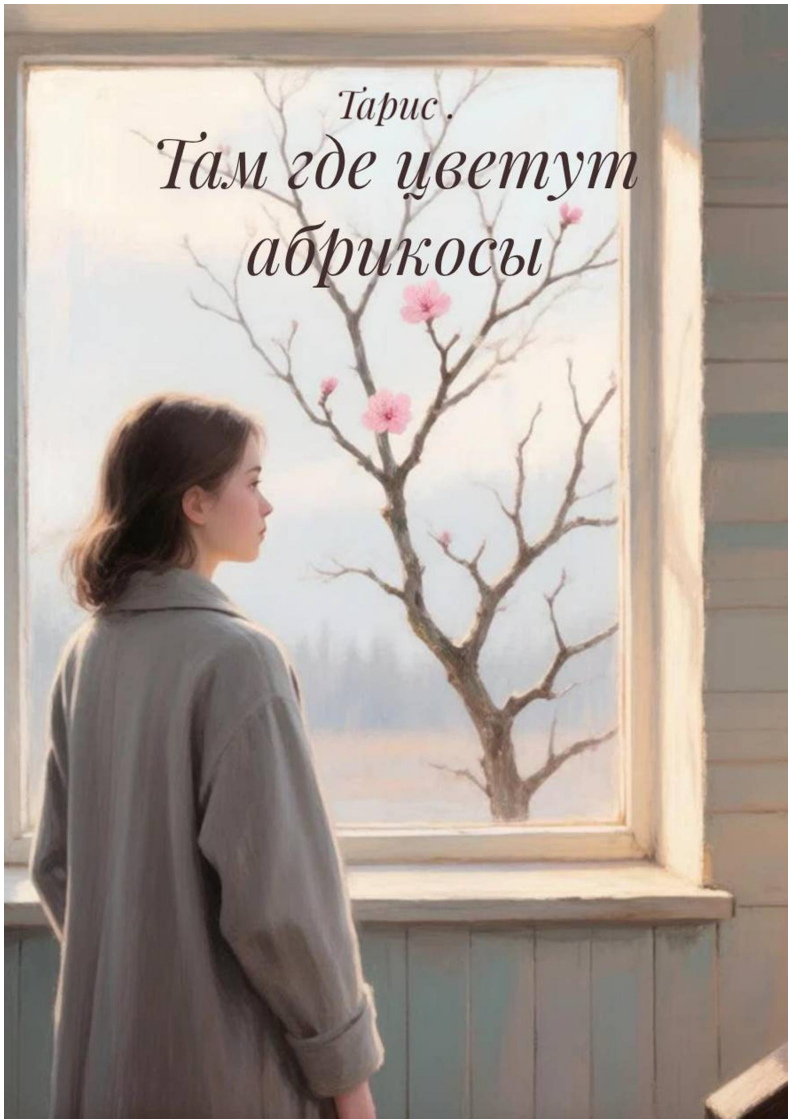

*Тарис .
Там где цветут
абрикосы*

Тарис .

Там где цветут абрикосы

<https://litres.ru/74502468>

SelfPub; 2026

Аннотация

Три года назад Марьям сбежала.

От семьи. От города. От себя прежней. От человека, который забрал всё — деньги, картины, веру в людей — и исчез.

Она спряталась на севере. Устроилась на склад.

Занавесила окна. И решила, что больше никогда не возьмёт в руки кисть.

Но однажды в квартиру напротив въехал старик. С потёртым чемоданом и кадкой, в которой торчали сухие, мёртвые ветки.

— Это абрикос, — сказал он. — Хунзахский. Он расцветёт. Земля расцветает не от климата. Она расцветает, когда её кто-то очень ждёт.

Марьям не поверила. Но что-то в ней сдвинулось.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Тарис .

Там где цветут абрикосы

Глава

*Там, где цветут абрикосы
там расцветает жизнь*

*Три года назад Марьям сбежала.
От семьи. От города. От себя прежней. От человека,
который забрал всё — деньги, картины, веру в людей
— и исчез.*

*Она спряталась на севере. Устроилась на склад.
Занавесила окна. И решила, что большие никогда не
возьмёт в руки кисть.*

*Но однажды в квартиру напротив въехал старик. С
потёртым чемоданом и кадкой, в которой торчали
сухие, мёртвые ветки.*

*— Это абрикос, — сказал он. — Хунзахский. Он
расцветёт. Земля расцветает не от климата. Она
расцветает, когда её кто-то очень ждёт.*

Марьям не поверила. Но что-то в ней сдвинулось.

Глава 1. Коряга

Город назывался Северодвинск.

Не тот, большой. Другой. Маленький, на берегу холодного моря, где ветер сырой и солёный, пробивает куртку насквозь, а зимой темнеет в три часа дня. Летом здесь не темнело вовсе — просто серое небо становилось чуть светлее, а потом снова серело. Марьям жила тут три года и до сих пор не могла привыкнуть.

Она работала на складе логистической компании «Северный путь». Восемь часов. Конвейер. Коробки. Коробки. Коробки. От запаха картона и скотча иногда болела голова. Район назывался Затон. Панельки. Пять этажей. Магазин «Продукты» на углу. Остановка. Пустырь. И её окно на четвёртом.

Марьям уже три года не замечала весну.

Если честно, она вообще перестала замечать что-либо, кроме серого. Серое небо, серый асфальт, серые коробки, серое худи, в которое она куталась, как в броню. Ей было двадцать четыре, а казалось — все со-рок.

Она сбегала. От семьи, от города, от себя прежней. Три года назад она уехала из Дербента с гордо поднятой головой, уверенная, что покорит мир. А через месяц

осталась одна в чужой съёмной комнате — без денег, без холстов, без человека, ради которого всё это затевала. Его звали Артур. Он был красивый. Высокий. Носил чёрное пальто. Говорил тихо. Смотрел прямо в глаза — так, что Марьям казалось, что она единственная. Он сказал: «Ты будешь великой. Я помогу». Он помог. Забрал всё. И исчез.

Домой она не вернулась. Не могла. Слишком стыдно было смотреть в глаза отцу, который так радовался за неё. Слишком страшно было услышать: «Мы же говорили». Поэтому она уехала на север. Устроилась на склад. Перестала рисовать. И занавесила окна.

А раньше она была другой.

Громкой. Смешной. Она могла встать посреди улицы и начать рисовать — просто потому, что увидела что-то красивое. Однажды она рисовала старика на набережной Дербента — продавца кукурузы. Он смеялся и говорил: «Девушка, ты меня нарисовала как Аполлона». Она ответила: «Вы и есть Аполлон». И весь рынок хохотал.

Она любила людей. Любила шум. Любила, когда её замечают. Она хотела, чтобы её картины висели в галереях. Чтобы мама гордилась. Чтобы отец говорил соседям: «Это моя дочь нарисовала».

А теперь она сидела в тёмной комнате и боялась выйти в коридор. Потому что там мог быть кто-то. А кто-

то —

это страшно.

Единственное, что она привезла с собой из прошлой жизни, — старый медный кумган. Маленький, с чеканным узором, он когда-то стоял у них дома на кухне. Марьям сунула его в рюкзак в последний момент, сама не понимая зачем. Теперь он пылился на подоконнике, и иногда она подходила к нему, стирала пыль пальцем и смотрела, как под серым налётом проступает живой металл. Как будто там, внутри, ещё что-то осталось.

Не

только кумган. Всё началось в обычный вторник. В квартиру напротив въехал старик.

Его звали Ильяс. Невысокий, сухой, с удивительно светлыми глазами и мягкой улыбкой. Из вещей — потёртый кожаный чемодан и огромный горшок, замотанный в мешковину. В первый же вечер он постучал к Марьям.

— Прости, дочка, — сказал он, придерживая горшок рукой. — У меня батарея остыла, а дереву нужно тепло. Помоги переставить к окну, а?

От него пахло чем-то, чего Марьям давно не чувствовала. Горами. Сухими травами. Ветром. Не северным, колючим, а тёплым, южным, который она помнила с детства. Она нехотя согласилась. Взялась за

рукав его пальто, помогла дотащить кадку до окна в коридоре. Из-под мешковины торчали ветки — сухие, узловатые, мёртвые.

— Это коряга, дядя Ильяс, — сказала Марьям, отряхивая

руки. — У нас тут ничего не растёт. Только тоска. Старик посмотрел на неё внимательно. Не обиделся, не стал спорить. Просто покачал головой.

— Это абрикос, — сказал он. — Хунзахский. Я его с гор привёз. Там сейчас всё розовое, представляешь? Скалы, и на них — как облако. А здесь он растерялся. Но ничего. Земля расцветает не от климата, дочка. Она расцветает,

когда её кто-то очень ждёт.

Марьям ничего не ответила. Ушла к себе. Закрyla дверь. Но почему-то весь вечер не могла перестать думать об этих словах. И о том, как странно — впервые за три года — пахло в подъезде. Не сыростью и хлоркой, а чем-то живым.

Глава 2. Фотография

Марьям возвращалась со склада позже обычного. Смена выдалась тяжёлая. Конвейер сломался, пришлось вручную перетаскивать коробки, и к концу дня у неё гудели руки и спина. Автобус опоздал. Она шла от остановки пешком, пряча лицо от ветра. Ветер в Затоне был всегда — сырой, солёный, пробивающий куртку насквозь.

Она поднялась на свой этаж, достала ключи и уже почти

вставила их в замок, когда краем глаза заметила движение в коридоре.

Дядя Ильяс сидел на маленьком складном стульчике возле кадки. Он протирал ветки абрикоса влажной тряпочкой — медленно, сантиметр за сантиметром, как будто это было не дерево, а что-то живое. Рядом на полу лежала старая фотография. Он, видимо, только что её доставал и положил, чтобы освободить руки.

Марьям не остановилась. Ей было не до старика. Она повернула ключ, толкнула дверь и уже переступила порог, когда услышала его голос — тихий, будто он говорил не с ней, а сам с собой:

— Красиво у нас в Хунзахе в это время. Скалы розовые.

Как будто облако на землю село.

Она не ответила. Закрывает дверь. Сняла куртку. Прошла в комнату. Но почему-то не легла. Села на край дивана и

установилась в стену.

Перед глазами стояла эта фотография. Она видела её боком, мельком, но успела разглядеть: большая семья, цветущий сад, молодой Ильяс с мальчиком на плечах. И где-то там, на заднем плане, — горы.

Марьям сама не поняла, как через полчаса снова оказалась в коридоре. Она вышла якобы за мусором. Пакета у неё не было. Старик всё ещё сидел там.

Фотография лежала на прежнем месте.

Она остановилась. Не потому что хотела. Просто ноги встали.

— Это ваш сын? — спросила она, кивнув на снимок.

Ильяс поднял голову. Не удивился. Не обрадовался. Просто посмотрел на неё своими светлыми глазами.

— Сын, — сказал он. — Марат. Десять лет назад уехал. Большие не звонит.

Он не стал объяснять. Не стал жаловаться. Просто сказал — и замолчал. И от этого молчания Марьям стало не по себе. Она знала это молчание. У неё у самой было такое.

— А это что? — она кивнула на фотографию.

— Родительский дом, — ответил Ильяс. — Хунзах. Наша

сакля стояла у самого края каньона. Земля там каменная, не то что у вас. Чтобы что-то вырастить, мой

отец носил землю снизу, из долины, в корзинах. Каждую ветку у скал отвоёвывал. А этот росток, — он кивнул на кадку, — оттуда. У него характер. Он привык бороться. Здесь просто растерялся.

Он снова замолчал и вернулся к своему дереву.

Марьям постояла ещё немного. Не знала, что сказать. Не знала, зачем вообще вышла. Развернулась и пошла к себе. Но у двери остановилась.

— Дядя Ильяс.

Он поднял голову.

— Зачем вы его сюда привезли? Он же здесь погибнет. Старик посмотрел на неё долго. Не с жалостью, не с укором. Просто смотрел.

— Потому что если его здесь ждут, — сказал он, — он расцветёт. Земля расцветает не от климата, дочка.

Она

расцветает, когда её кто-то очень сильно ждёт.

Марьям ничего не ответила. Зашла в квартиру. Закрyla дверь.

И только потом, уже лёжа в кровати, в темноте, она вдруг поняла, что за три года впервые сама с кем-то заговорила. Не в магазине. Не на работе. Просто так. В подъезде. Со стариком.

Это было странно. Но не плохо.

Глава 3. Чабрец

После того вечера Марьям стала чаще выходить из квартиры.

Не специально. Просто теперь, возвращаясь со склада, она иногда останавливалась в коридоре на минуту-другую. Дядя Ильяс почти всегда был там — возился с деревом, перебирал чётки или просто сидел и смотрел в окно. Он не задавал вопросов. Не лез в душу. Просто здоровался и продолжал заниматься своим делом. И от этого Марьям почему-то становилось легче. Как будто ей не нужно было ничего объяснять. Как будто можно было просто быть — молча, рядом.

На складе работала женщина. Тётя Валя. Лет пятидесяти. Она всегда приносила Марьям чай — просто так. Не спрашивала ни о чём. Просто ставила кружку на стол и уходила.

Однажды она сказала:

— Ты хорошая девка. Я вижу. Просто устала. Марьям чуть не заплакала.

Больше они не разговаривали. Но тётя Валя всегда приносила ей чай.

А в одно воскресенье Марьям проснулась рано. За окном было серо, как всегда, но что-то её подняло с кровати. Она оделась, вышла на улицу и сама не поняла, как оказалась на маленьком рынке в двух кварталах от

дома. Раньше она здесь не бывала. Просто шла и шла, пока не увидела бабушку, которая продавала пучки

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.